

К ЕВРЕЙСКОМУ ВОПРОСУ

1843, выдержки Дятлова Н. С. от 12.02.2016

«эмансипация» | «политическая эмансипация» | «человеческая эмансипация» | «гражданское общество» | «эгоизм» | «родовое бытие» | «естественный человек»

1. Так как Бауэр не поднимает вопрос на <...> высоту, он впадает в противоречия. <...> Он выдвигает вопросы, которые не входят в круг его задачи, и разрешает задачи, которые оставляют без ответа рассматриваемый им вопрос.
2. <...> ошибка Бауэра состоит в том, что он подвергает критике *лишь* «христианское государство», а не «государство вообще», что он не исследует *отношение политической эмансипации к человеческой эмансипации* и потому выдвигает условия, которые находят своё объяснение *лишь* в некритическом смешении политической эмансипации с общечеловеческой.
3. Вопрос об *отношении политической эмансипации к религии* становится для нас вопросом об *отношении политической эмансипации к человеческой эмансипации*.
4. <...> политическая эмансипация не есть доведенный до конца, свободный от противоречий способ *человеческой* эмансипации.
5. <...> политическое аннулирование частной собственности не только не упраздняет частной собственности, но даже предполагает её. Государство на свой лад упраздняет различия *происхождения, сословия, образования, профессии*, когда объявляет *неполитическими* различиями происхождение, сословие образование, профессию, когда провозглашает, не обращая внимания на эти различия, каждого человека *равноправным* участником народного суверенитета, когда рассматривает все элементы действительной народной жизни с точки зрения государства. Несмотря на все это, государство позволяет частной собственности, образованию, профессии *действовать свойственным им* способом и проявлять их *особую* сущность в качестве частной собственности, образования, профессии. Весьма далекое от того, чтобы упразднить все эти *фактические* различия, государство, напротив, существует *лишь* при условии, что эти различия существуют, государство чувствует себя *политическим государством* и осуществляет свою *всеобщность* *лишь* в противоположность к этим своим элементам. Гегель поэтому совершенно правильно определяет отношение *политического государства* к религии, когда говорит: «<...> *только возвысившись над особыми* церквями, государство обретает и осуществляет *всеобщность* мысли, принцип своей формы» (Гегель. «Философия права»).
6. Завершенное политическое государство является по своей сущности *родовой жизнью* человека, *в противоположность* его материальной жизни. Все предпосылки этой эгоистической жизни продолжают существовать *вне* государственной сферы, в *гражданском обществе*, в качестве именно свойств гражданского общества. Там, где политическое государство достигло своей действительно развитой формы, человек не только в мыслях, в сознании, но и в *действительности*, в *жизни*, ведет двойную жизнь, небесную и земную, жизнь в *политической общности*, в которой он признает себя *общественным существом*, и жизнь в *гражданском обществе*, в котором он действует как *частное лицо*, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил.
7. <...> это отношение политического государства к своим предпосылкам, — будь то материальные элементы, как частная собственность и т. п., или духовные, как образование, религия, — этот конфликт между *общим* интересом и *частным интересом*, раскол между *политическим государством* и *гражданским обществом*.
8. *Политическая* эмансипация, конечно, представляет собой большой прогресс; она, правда, не является последней формой человеческой эмансипации вообще, но она является последней формой человеческой эмансипации *в пределах* существовавшего до сих пор миропорядка.

9. Человек *политически* эмансипируется от религии тем, что изгоняет ее из сферы публичного права и переносит ее в сферу частного права. Она уже не является духом *государства*, где человек — хотя и в ограниченной степени, в особой форме и в особой сфере — ведет себя как родовое существо, в сообществе с другими людьми; она стала духом *гражданского общества*, сферы эгоизма, где царит *bellum omnium contra omnes*. Ее сущность выражает уже не *общность*, а *различие*.
10. *Расщепление* человека на иудея и гражданина государства, на протестанта и гражданина государства, на религиозного человека и гражданина государства, это расщепление не является ложью по отношению к государственно-гражданской жизни, не есть обход политической эмансипации, — оно есть *сама политическая эмансипация*, *политический* способ эмансипироваться от религии. <...> но это человек в его некультивированном, несоциальном виде, человек в его случайном существовании, человек, каков он есть, человек, испорченный всей организацией нашего общества, потерявший самого себя, ставший чуждым себе, отданный во власть бесчеловечных отношений и стихий, одним словом, человек, который еще не есть *действительное* родовое существо.
11. Таким образом, мы показали, что политическая эмансипация от религии оставляет религию в силе, хотя и не в виде привилегированной религии.
12. «Мысль о правах человека лишь в прошлом столетии была открыта для христианского мира. Она не является для человека врожденной, а, напротив, завоевана им лишь в борьбе против исторических традиций, в которых до сих пор воспитывался человек. Таким образом, права человека - не дар природы, они также не полученное нами от прошлой истории наследие, — они куплены ценой борьбы против случайностей рождения и против привилегий, донныне передававшихся историей из поколения в поколение» (Бауэр).
13. Прежде всего мы констатируем тот факт, что так называемые *права человека*, *droits de l'homme* <...> суть не что иное, как права члена *гражданского общества*, т.е. эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности.
14. Мы предоставляем слово самой радикальной конституции, конституции 1793 года: Декларация прав человека и гражданина. Статья 2: «Эти права ("естественные и неотъемлемые права") суть: равенство, свобода, безопасность, собственность». В чем состоит свобода? Статья 6: «Свобода есть принадлежащее человеку право делать все то, что не наносит ущерба правам другого», или, по Декларации прав человека 1791 г.: «Свобода есть право делать все то, что не вредит другому». Итак, свобода есть право делать все то и заниматься всем тем, что не вредит другому. Границы, в пределах которых каждый может двигаться *без вреда* для других, определяются законом, подобно тому как граница двух полей определяется межевым столбом. Речь идет о свободе человека как изолированной, замкнувшейся в себя монады.
15. Но право человека на свободу основывается не на соединении человека с человеком, а, наоборот, на обособлении человека от человека. Оно — *право* этого обособления, *право ограниченного*, замкнутого в себе индивида.
16. Эта индивидуальная свобода, как и это использование её, образует основу гражданского общества. Она ставит всякого человека в такое положение, при котором он рассматривает другого человека не как *осуществление* своей свободы, а, наоборот, как ее *предел*.
17. Статья 8 (конституция 1793 г.): «Безопасность основывается на защите, предоставляемой обществом каждому из своих членов с целью охраны его личности, его прав и его собственности».
18. При помощи понятия безопасности гражданское общество не поднимается над своим эгоизмом. Безопасность есть, напротив, *гарантия* этого эгоизма.
19. Следовательно, ни одно из так называемых прав человека не выходит за пределы эгоистического человека, человека как члена гражданского общества, т.е. как индивида, замкнувшегося в себя, в свой частный интерес и частный произвол и обособившегося от общественного целого. Человек отнюдь не рассматривается в этих правах как родовое существо, — напротив, сама родовая жизнь, общество, рассматривается как внешняя для индивидов рамка, как ограничение их первоначальной самостоятельности. Единственной

- связью, объединяющей их, является естественная необходимость, потребность и частный интерес, сохранение своей собственности и своей эгоистической личности.
20. <...> государственно-гражданская жизнь, *политическая общность*, низводится деятелями политической эмансипации даже до роли простого *средства* для сохранения этих так называемых прав человека; что таким образом *сi toyen* объявляется слугой эгоистического *homme*, а сфера, в которой человек выступает как общественное существо, ставится ниже той сферы, в которой он выступает как частное существо; что, наконец, не человек как *сi toyen*, а человек как *bourgeois* считается *собственно* человеком и *настоящим* человеком.
 21. Политическая революция есть революция гражданского общества. Каков был характер старого общества? Его можно охарактеризовать одним словом — *феодализм*.
 22. Она [политическая революция — Н.Д.] освободила от оков политический дух, как бы разделенный, раздробленный, растекшийся по различным закоулкам феодального общества, собрала его воедино, вывела из этой распыленности, освободила от смешения с гражданской жизнью и конституировала его как сферу общности, *всеобщего* народного дела, как нечто, существующее в идее независимо от указанных *особых* элементов гражданской жизни. За *определенной* жизненной деятельностью и определенным жизненным положением было признано лишь индивидуальное значение. Они не составляли уже больше всеобщего отношения индивида к государственному целому. Общественное дело, как таковое, стало, напротив, всеобщим делом каждого индивида, а политическая функция стала для него всеобщей функцией.
 23. Свержение политического ярма было в то же время уничтожением уз, сковывавших эгоистический дух гражданского общества.
 24. Феодальное общество было разложено и сведено к своей основе — *человеку*, но к такому человеку, который действительно являлся его основой, к *эгоистическому* человеку.
 25. Человек не был поэтому освобожден от религии, — он получил свободу религии. Он не был освобожден от собственности, — он получил свободу собственности. Он не был освобожден от эгоизма промысла, — он получил свободу промысла.
 26. Но человек, как член гражданского общества, *неполитический* человек неизбежно выступает как *естественный* человек. *Droits de l'homme* выступают в виде *droits naturels*, ибо *та деятельность, которая предполагает самосознание, концентрируется в политическом акте. Эгоистический человек есть пассивный, лишь найденный* готовым результат распавшегося общества, предмет *непосредственной достоверности*, следовательно — *естественный* предмет. *Политическая революция* разлагает гражданскую жизнь на её составные части, не *революционизируя* самих этих составных частей и не подвергая их критике.
 27. «Тот, кто берет на себя смелость конституировать народ, должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, человеческую природу, превратить каждого индивида, который сам по себе есть некое совершенное и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивид в известном смысле получает свою жизнь и своё бытие, должен поставить на место физического и самостоятельного существования существование частичное и моральное. Нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал ему взамен такие, которые были бы для него чужими и которыми он не мог бы пользоваться без содействия других» (Руссо, «Общественный договор»).
 28. Всякая эмансипация состоит в том, что она *возвращает* человеческий мир, человеческие отношения к *самому* человеку.
 29. Лишь тогда, когда действительный индивидуальный человек воспримет в себя абстрактного гражданина государства и, в качестве индивидуального человека, в своей эмпирической жизни, в своем индивидуальном труде, в своих индивидуальных отношениях станет *родовым* существом; лишь тогда, когда человек познает и организует свои «собственные силы» как *общественные* силы и потому не станет больше отделять от себя общественную силу в виде *политической* силы, — лишь тогда свершится человеческая эмансипация.
 30. Организация общества, которая упразднила бы предпосылки торгашества, а следовательно и возможность торгашества, — такая организация общества сделала бы еврея невозможным.
 31. *Практическая потребность, эгоизм* — вот принцип *гражданского общества*.

32. Как только обществу удастся упразднить *эмпирическую* сущность еврейства, торгашество и его предпосылки, еврей станет *невозможным*, ибо его сознание не будет иметь больше объекта, ибо субъективная основа еврейства, практическая потребность, очеловечится, ибо конфликт между индивидуально-чувственным бытием человека и его родовым бытием будет упразднен. *Общественная эмансипация еврея есть эмансипация общества от еврейства.*

Конец текста